

«СТАРОЙ ДРУЖБЫ ВЕРЕН СЧЕТ...»

В мае сорок второго года я приехал в Москву, убежав из калининского госпиталя. Точнее, с дороги в госпиталь, когда увидел на полустанке московский поезд и мое сердце не выдержало.

Мои письма из-под Ржева мать еще не получила. Она показала мне только открытку от Миши Помогаева, которая пришла в конце апреля. Вот что писал Михаил:

«Здравствуйте, тов. Кондратьева! С боевым приветом, друг Вашего сына, Михаил Помогаев. Сообщаю Вам, что с 1/3 42 г. с Вячеславом я расстался, то есть меня ранило в руку, и я вышел с поля боя, а Вячеслав оставался там. После гибели комроты Вячеслав принял командование ротой на себя. Дальнейшую судьбу его я не могу Вам описать, так как сам не знаю, где он находится. Если он ранен и Вам сообщил адрес, то сообщите мне...»

Находясь в отпуске по ранению, я все время ждал письма от Мишки, но он больше ничего не прислал.

Помогаев был помощником командира того первого обреченного взвода, о котором я писал в повести «Селижаровский тракт». Взвод был послан «на пробу» — если потери будут большими, его должны отвести, если нет — пойдет и вся рота. Помню, как первый взвод вышел на поле, как победил вдоль овсянниковского оврага и двинулся поначалу споро, пока не достиг пристрелянных противником мест. Тут на него обрушился огонь — и пулеметный, и минометный, и рвался в воздухе бризантный... Взвод залег, стали отползать первые раненые, и среди них — командир взвода, молодой лейтенант, только что окончивший училище. Помогаев принял командование взводом, но минут через десять был тоже ранен в руку. Он прибежал обратно, когда я со своим взводом находился еще на исходном рубеже, но уже получил приказ ротного, переданный со связным: «Второму взводу — вперед!»... Мы наскоро прощались. Я помогал ему перевязывать руку, а мне вот-вот надо было выводить людей на поле боя в поддержку первому взводу, уже обескровленному и барахтавшемуся под ураганным минометным обстрелом. Помню хорошо, как охватили меня тогда противоречивые чувства: я был очень рад, что Мишка выбрался оттуда живым, и мне было очень страшно, что я остаюсь один, без друга, на которого мог по-

ложиться, который — я был уверен в этом! — вытащит меня в случае чего с поля боя, во что бы то ни стало.

В шестидесятых годах, когда навалилась на меня война вторым заходом, теперь уже в воспоминаниях, и я начал разыскивать своих ржевских боевых друзей, запроса насчет Помогаева посылать не стал — я не знал его отчества, а главное, не знал, каким военкоматом он призывался. Знал только, что он откуда-то из Казахстана, но откуда — даже не имел представления. Да и честно говоря, слишком мало надежды было, что он мог остаться в живых. Ранение, полученное им тогда, было легким. Думал: ну, провалится в полевого госпиталя от силы месяц, а там — маршевая рота, и опять сюда же, под Ржев, в тяжелые, беспросветные бои, где очень мало шансов выжить.

И вот вышла у меня повесть «Сашка», где я не менял названий деревень, под которыми мы воевали, с прицелом: вдруг — чем черт не шутит! — протрет кто-то из моих ребят и поймет, что автор-то тот самый Кондратьев, с которым они воевали. Но прошло три года после опубликования «Сашки», напечатаны были и другие мои вещи, где я снова крутился около Овсянникова, Усова и Панова, и была в эфире телепередача «Театральные встречи», в которой я участвовал, и опять назвал эти деревни, все это было, но отклика от моих ржевских однополчан все не случалось. И надежды мои все таяли и таяли...

И вдруг — письмо с радио!

Как раз перед этим я выступал там: перед передачу о фронтовых письмах. Письма, предложенные мне редакцией, были из числа уже публиковавшихся, очевидно, отредактированные, и мне пришлось начать разговор с собственного первого письма с передовой. Потому что на нем я мог показать, что таится за строчками самых обыкновенных слов. Там было упоминание и о том, что Миша Помогаев ранен в первом бою...

Эту-то радиопередачу и услышал Помогаев в своей далекой Эмбе.

Нет слов сказать, с какими чувствами писал я ответное письмо. Ведь все эти сорок лет я страстно хотел увидеть кого-нибудь из своих ржевских ребят, хоть кого-нибудь, а тут Мишка — армейский друг, вместе с которым прошил и полковую школу, и формирование на Урале, где попали в одну роту, и долгую эшелонную

дорогу, и незабываемый Селижаровский тракт, и первые ощущения при виде передовой, и первый бой... И сдвигало горло, и навертывались на глаза слезы, и дрожала рука.

Мы не стали в письмах рассказывать друг другу, что произошло с нами за сорок лет — оставили все до встречи. Мишка обещался приехать в сентябре, и потянулись месяцы ожидания. Чего же я хотел от этой встречи?.. Прошло ведь столько лет, прожитых совсем разные жизни, как встретимся? Не пробежит ли холодок отчуждения, не окажется ли так, что после первых слов вдруг не о чем будет говорить? Ведь сорок лет... Но, несмотря на эти сомнения, будущая встреча все равно казалась мне чем-то необыкновенным, каким-то чудом, потому что увидеть человека, с которым пережиты и разбитый черновский лес, и первые убитые, и маета перед наступлением, и то поле, где ранили его и куда потом вышел и я, и пороховая гарь, и запахи серы, влажный от снега, словом, все то, что прочувствовано обоими, все это сейчас, через четыре десятка лет было почти невероятным, и все же виделось отчетливо и емко. И тогда я подумал, что есть вещи, неподвластные годам, и наша встреча настолько возвратит нас в прошлое, что все будет, как прежде — и дружба, и безграничная вера друг в друга, и готовность помочь, не думая о себе...

И наконец — телефонный звонок: «Этого я, Михаила, я в Москве...» Славенным голосом объясняю, как проехать ко мне, где делать пересадку, на какой трамвай сесть... Жду. Волнуюсь. Курю. Узнаю ли Мишку?

Бегу к двери! Открываю, узнаю! Не погрузил, такой же спортивный, такое же смуглое, словно загорелое лицо, только в морщинках, та же же ясные и чистые голубые глаза. Обнимаемся, пускаем слезу. Первые минуты не можем говорить — какой-то горловой спазм, потом мой первый вопрос: «Почему больше ни разу не написал матери?»

— Не мог. Мне в госпитале кто-то сказал, что тебе оторвало обе ноги. Сам понимаешь, думал, ты не выжил. Когда «Театральные встречи» по телевизору смотрел, узнавал и не узнавал. Вот, думаю, поднимешь, если заметишь, что на протезах — значит, ты. Но ты так и не встал. Вот только когда ты по радио назвал мою

фамилию, понял: ты это, ты!

И пошла разговоры... На столе стояла бутылка вина, но нам она была не нужна. Мишка рассказывал какие-то подробности, которых я совершенно не помнил, а он помнил. И еще что-то, и еще... Но главное, конечно, было не в этих воспоминаниях. Я видел живого Мишку Помогаева, и он тоже твердил:

— Живой, живой...

И случилось так, словно бы и не было этих долгих сорока лет, а будто вернулся Мишка ко мне на передовую и сказал: «Я опять с тобой, Вечка. Вдвоем-то здесь, на передке, спокойнее... Веселее».

Да, конечно! Может, и не веселее, но спокойнее, это точно. И хотя не на передовой мы сейчас, а в мирной, доброй жизни, а все же как хорошо, что вдвоем. Необходимо в жизни иметь верного, надежного товарища, в которого веришь и любишь. Знаю теперь, чтобы ни случилось, какая бы беда ни навалилась, есть у меня в далекой Эмбе настоящий друг, который непременно отзовется, поможет в трудную минуту и никогда не подведет. Да и только ли меня?

Сорок лет прошли с нашей последней встречи на войне. Целая жизнь прожита... И Мишка прожил ее так же, как воевал. По-настоящему. Когда кончил с фронтом, пришел работать на железную дорогу, стал машинистом. Таскал тяжеленные составы по стране, все оттуда, из Западного Казахстана. И возвращался в свою Эмбу. А в один прекрасный день пришел в Эмбу Указ Президиума Верховного Совета СССР — Помогаева Михаила Федоровича наградить орденом Ленина.

Вот такая история. Вся его судьба — это судьба поколения нашего, которому чего только не досталось — и воевать, и поднимать — и все-таки «вытащить», не подвели. И мой Мишка, он хоть и один из сотен тысяч, но в нем эта тысячная сила чувствуется...

Сорок два года истекли сегодня под утро, с того страшного, никогда не забываемого дня. Свято держим мы в памяти всех, кто не пережил четырехлетия войны, и живут рядом те, кого обрели мы в эти несмываемые временем годы.

Была на земле, есть и всегда будет святая фронтовая дружба навек, и от этого легче и спокойнее жить на свете.

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ.